

Луи Анри Буссенар

Десять миллионов Красного Опоссума

Луи Буссенар

**Десять миллионов
Красного Опоссума**

«Public Domain»

1879

Буссенар Л. А.

Десять миллионов Красного Опоссума / Л. А. Буссенар — «Public Domain», 1879

«После 35-дневного плавания мы оказались 10 января 1876 года в виду мыса Отвэй. Отсюда нам оставалось только переправиться утром на другой день через бухту Порт-Филипп, высадиться в Сандридж, а там железная дорога в несколько минут доставила бы нас в Мельбурн, бывший целью нашего путешествия. Ночь задержала нас на корабле. Ругая на чем свет стоит капитана за эту задержку, мы принялись нетерпеливо шагать по юту, стараясь жадными взорами пронизать густой туман, дымною пеленою окутывавший море. Порою легкий ветерок разрывал эту пелену, и тогда сквозь нее во всей красе проглядывал ярко горевший в небе Южный Крест...»

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Луи Анри Буссенар

Десять миллионов Красного Опоссума

Текст подготовлен по изданию: Буссенар Л. Полное собрание романов. – СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1911

* * *

Глава 1

У мыса Отвэй. – Рассказ доктора. – Ученые и людоеды. – Кораблекрушение медицинского факультета. – Туземное гостеприимство. – Каторжник, ставший возждем. – Английский профессор и австралийский колдун. – Туземные франты. – Месть дикарей. – Ученые остались одиночками в пустыне. – Возвращение диких. – Необыкновенное жаркое. – Крепкая выпивка.

После 35-дневного плавания мы оказались 10 января 1876 года в виду мыса Отвэй. Отсюда нам оставалось только переправиться утром на другой день через бухту Порт-Филипп, высадиться в Сандридж, а там железная дорога в несколько минут доставила бы нас в Мельбурн, бывший целью нашего путешествия.

Ночь задержала нас на корабле. Ругая на чем свет стоит капитана за эту задержку, мы принялись нетерпеливо шагать по юту, стараясь жадными взорами пронизать густой туман, дымною пеленою окутывавший море. Порою легкий ветерок разрывал эту пелену, и тогда сквозь нее во всей красе проглядывал ярко горевший в небе Южный Крест.

Наш фрегат «Твид» разводил пары, чтобы к первому часу ночи сняться с якоря. Поэтому на нем началась та бестолковая, шумная суетня, какая часто бывает на кораблях пред входом в гавань или выходом из нее. Всеми матросами и пассажирами овладело чисто лихорадочное возбуждение, сообщившееся и нам. О сне нечего было и думать.

– Друзья мои, – сказал нам доктор Стефенсон, первый корабельный хирург, – я вполне понимаю ваше нетерпение, так как вы готовитесь вступить в страну чудес. Не хочу уменьшать удивления, которое поразит вас завтра, описывая заранее то, что вас там встретит. Но если вы позволите австралийскому старожилу рассказать вам о его первых шагах в этой старинной земле, то я надеюсь, что значительно успокою ваше законное нетерпение.

Конечно, мы с благодарностью приняли предложение почтенного эскулапа.

В это время рулевой на шканцах пробил 8 часов.

– Началась вторая половина ночи, – продолжал доктор, – теперь у нас до отплытия остается четыре часа свободного времени. Прошу вашего терпения... Да, извините, господа, еще два, так сказать предварительных слова. Патрик, – обратился он к юнге, – принесите, мой милый, пуншу и сигар.

Когда все это было принесено, доктор, усевшись поудобнее, начал свой рассказ.

– Вы знаете, господа, несчастный исход попытки, сделанной в 1853 году Лондонской Королевской Академией, попытки основания университета в Мельбурне, но вам, конечно, неизвестны подробности этого довольно темного дела. Считаю нужным поэтому раскрыть их перед вами.

Корабль, который вез профессоров, был застигнут страшною бурей недалеко от мыса Бернуль. Буря оборвала на нем паруса и бросила на коралловый риф. Это было во время прилива.

Зацепившись килем за рифы, судно плотно село на них, так что решительно не было никакой возможности сняться с мели, тем более что море, отхлынув назад, оставило корабль почти на суше. Но так как берег находился всего в 150 саженях, то легко было спасти часть поклажи на одной лодке, каким-то чудом уцелевшей от набегов волн.

Я к этому времени только что сошел со школьной скамьи и принял участие в экспедиции в качестве препаратора по анатомии, которую должен был читать мой дядя, сэр Джемс Стефенсон, декан и профессор будущего университета.

Завидев берег, каждый из нас прежде всего позаботился спасти многочисленные ящики с научными пособиями: физическими инструментами, химическими продуктами, всевозможными аппаратами и, наконец, с анатомическими препаратами.

Все эти научные богатства были осторожно выгружены на землю, тщательно сложены там и прикрыты куском паруса. Только после этого принялись за поиски пищи, запасы которой у нас на корабле все были промочены соленой водою.

Между тем наше появление на берегу привлекло сюда множество туземцев, с любопытством смотревших на странных белолицых гостей. Наш багаж, по-видимому, сильно возбуждал их алчный аппетит, но они не подумали о нападении, а мирно предложили знаками снабдить нас пищей, в обмен на товары.

Ввиду нашего стесненного положения их услуги были приняты, хотя и обошлись нам недешево. Так как мы не имели с собою никаких бус и прочих безделушек, до которых так падки дикие, то пришлось подчиниться всем чудовищным условиям жадных дикарей, наглость и требовательность которых не знала границ. Так, за скудный обед из рыбы нам пришлось поплатиться несколькими медными кранами, оторванными от физических инструментов, тремя аршинами каучуковой трубки, несколькими вульфowymi склянками да большею частью наших форменных пуговиц. Это бы еще было ничего, но мы хорошо знали, что наши грабители не остановятся до тех пор, пока не оберут до нитки, а то схватят и самих нас. Наши опасения на этот счет стали оправдываться при виде бесчисленных огней, зажженных туземцами ночью. В то же время без перерыва раздавались их странные дикие крики. Очевидно, они подзывали своих. Эти господа, незнакомые с электрическим телеграфом, как видно, устроили свой, воздушный, очень хорошо служивший им. Действительно, на другой день число наших приятелей удвоилось. Через день их подошло еще, и наконец, спустя два дня, их набралось более 150 человек. Все они были вооружены копьями, топорами и ножами, кроме того, своеобразным оружием, которое они звали довук или бумеранг и употребление которого мы узнали лишь потом.

Нас было только 32 человека, правда, хорошо вооруженных, но зато не имевших самого необходимого – пищи.

Между тем сношения с туземцами делались подчас очень затруднительными, так как дикари, не отличавшиеся вообще большим умом, очевидно, иногда превратно понимали наши знаки. Сознаюсь, грешили в этом и мы. Не знаю, до чего дошло бы у нас такое положение, если бы провидение не сжалилось над нами и не послало нас под покровительство одного европейца, которого мы с немалым удивлением встретили среди черномазых дикарей. С виду он ничем не отличался от своих диких товарищей: ни одеждой, ни цветом лица, так как его кожа была настолько обожжена солнцем, что нельзя было найти и следа первоначального его цвета. Только длинная рыжая борода выделяла его из среды туземцев, обыкновенно лишенных всякой растительности на подбородке и щеках. Это был старый каторжник, восемь лет назад убежавший из места своего заключения и усыновленный одним туземным племенем. Своею силою и храбростью беглец скоро выдвинулся из низкой сферы и сделался второстепенным вождем дикарей, как показывало соколиное перо, продетое сквозь левое ухо, и браслет из змеиных зубов, обвивавший его правую руку.

Несмотря на то что сам он принадлежал к числу отверженных обществом каторжников, его радость при виде европейцев была необычайна, но он выражал ее на каком-то варварском языке: очевидно, долгое пребывание у дикарей совершенно изменило его язык. Из его неясных слов, произнесенных ломаным английским языком, мы едва поняли, что он родом шотландец, из графства Думбартон, по имени Джоэ Мак-Нэй. Он с удовольствием предложил нас довести до Мельбурна, от которого нас отделяло расстояние в 15 дней пути.

– Только прошу вас, джентльмены, – говорил он, – уступать всем требованиям туземцев. Иначе, если они оставят вас, вы погибнете с голоду, а если вы будете принуждать их к чему-нибудь силою, – они всегда одержат верх, так как на их стороне численность, и тогда вас не спасет ни оружие, ни храбрость.

Совет, правду сказать, не понравился нам, но нужда заставила нас принять его.

На следующий день желание пообедать возобновило меновую торговлю, причем мы с сожалением должны были разламывать на куски свои дорогие инструменты, чтобы больше иметь разменной монеты. При посредстве Джоэ, служившего нашим переводчиком и толкователем, у нас был заключен следующий договор с дикими.

За известное вознаграждение они должны были проводить нас до Боллара, откуда мы сами легко могли добраться до Мельбурна. Кроме того, всю дорогу они должны были нести наш багаж и снабжать нас пищей.

Договор, как следует, был скреплен обоюдной клятвой, которую австралиец считает очень важной. Когда мы давали ее, то, несмотря на всю торжественность этой церемонии, я едва мог удержаться от смеха при виде дипломатов, скреплявших условия договора.

Судите сами. С одной стороны, мой дядя, сэр Джемс Стефенсон, с белыми, длинными до плеч волосами, безукоризненно одетый и сидевший, скрестив ноги, на голой земле. С другой стороны, против него, в той же позе сидел колдун племени, прикрытый только кожей опоссума, небрежно наброшенной на плечи. Его уши и нос были украшены причудливыми узорами, а вокруг глаз были обведены желтые круги, что придавало ему вид совы.

После заключения договора снова начался торг. Здесь, к удивлению, дикари выказали себя замечательными коммерсантами и торговались до упаду. Наконец все уладилось к общему удовольствию, и каждый туземец получил на свою долю порядочную кучу «чудесных предметов белокожих». Тут были, кроме металлических изделий, всевозможные химические продукты всех цветов, например сернокислородное железо, сернистая ртуть, углекислый свинец и т. п.

Дикари казались очень довольны своими покупками и сейчас же поспешили употребить их в дело, именно на свою татуировку, причем они творили просто чудеса по части изобретения новых узоров. Жалею, что не могу припомнить, как все размалевали себя, но приведу один пример, особенно врезающийся мне в память. Одному молодцу досталась при разделе банка сернистого олова, которое у нас служило для натирания кожаных подушек электрической машины. Черномазый франт не нашел ничего лучшего, как с ног до головы вымазаться этим продуктом. Вышло что-то фантастическое, – как будто сейчас из печи вынули медную статую, но статую одушевленную, – так изменилась физиономия дикаря, а он между тем был вне себя от восхищения.

Другой важно выступал, надевши на голову колпак от пневматической машины. Третий привязал себе на голову стеклянный круг от электрической машины. Наконец, четвертый носился с газовой трубкой, продетой сквозь носовую перегородку. Смотря на эти курьезы, мы просто надрывались от смеха, несмотря на всю жалость об испорченных инструментах. Даже мой серьезный дядя не мог удержаться от улыбки.

На другой день мы тронулись в путь. Благодаря строгому соблюдению договора все шло хорошо, и ни малейшая ссора не замутила наших добрых отношений к туземцам в продолжение целых восьми дней.

На девятый день, – увы! – это доброе согласие пропало; и виною этого, нужно сознаться, был один из наших.

Среди нас был один матрос по имени Бен Фенч, человек вообще очень дурной, но страшный силач и боец. Заметив между туземцами одну молодую, красивую женщину, этот грубый исполин стал кидать на нее чересчур выразительные взоры. Но на этом его грубая натура не могла остановиться... Супруг ее, подобно всем своим соплеменникам, очень щекотливый на этот счет, не стерпел оскорбления и с кулаками бросился на обидчика. Но силач только поднял свою страшную руку, как туземец с окровавленным лицом растянулся на земле. Все думали, что этим дело и кончится. Вдруг раздался ужасный крик, похожий на крик попугая...

Это был военный клич.

В одно мгновение Бен уже лежал навзничь на земле, пораженный тяжелым ударом топора. Пять или шесть копий вонзились в него, а ужасный бумеранг, брошенный меткою рукою, перешиб его колени. Скоро на месте матроса лежал растерзанный труп.

Совершив это, черные мстители, не тронув больше никого из нас, бросились врассыпную, как стадо баранов.

Крики, просьбы, проклятия – все было напрасно. Скоро последний дикарь исчез из виду.

А мы, без крошки пищи, остались одни в дикой пустыне! Каково было наше положение! К счастью, Джоэ не покинул нас и решился употребить все свое влияние, чтобы возвратить беглецов. Он разрисовал себя желтой краской, в знак мира, и немедленно отправился на поиски.

Прошло два дня... два дня жажды, голода и утомления, – а наш посланец не возвращался. Мы уже стали отчаиваться, как вдруг он показался в сопровождении одного беглеца, окрашенного в военный, т. е. белый цвет, что придавало ему ужасный вид скелета.

Важно опершись на свое копье, черный делегат потребовал от имени товарищей, чтобы мы без всяких условий выдали им свое оружие и весь багаж.

Делать было нечего: как ни тяжело было это, а мы вынуждены были согласиться, чтобы не умереть с голоду в пустыне.

Наше решение было передано черномазым. И скоро вся шайка возвратилась, с улыбками наташив нам разной провизии. Негодяи знали, что мы были вполне в их руках. Зато, в награду за нашу покорность, белая краска, символ войны, была смыта, и дикари приняли свой обыкновенный вид.

– Теперь остается прибавить, господа, – продолжал доктор Стефенсон, – нечто выходящее за пределы вероятного.

В числе прочих наших вещей были раскрыты три больших ящика с анатомическими препаратами, и глазам удивленных дикарей представилось их содержимое. Увидев там разные части человеческого тела, они подумали, что мы разделяем их вкус к человеческому мясу и нарочно прятали это сокровище для себя.

Вам, конечно, известно, как готовятся анатомические препараты. Обыкновенно вены и артерии наполняются твердеющею на воздухе смесью воска с разными красками, которая придает им натуральный вид. Для вен смесь берется синяя, для артерий – алая.

Увидев препараты, дикари, недолго думая, решились утилизировать их, и вот началась безобразная оргия. Они все набросились, подобно фуриям, на сухие органы и с наслаждением грызли их.

Желая еще более возбудить свой чудовищный аппетит, некоторые из них развели огонь и стали поджаривать препараты. Но под действием жара это невкусное жаркое мало размягчилось, зато впрыснутый в сосуды воск растаял. Дикари собрали его в раковины и с удовольствием до капли выпили.

Представляю вам самим судить о том, каков вышел этот необыкновенный соус.

К довершению ужаса, труп несчастного Бена, который мы быстро предали земле, был вырыт, разрублен на куски, поджарен на вертелах и тоже съеден. Это было ужасное, но по крайней мере хоть настоящее жаркое!

Кроме сухих анатомических препаратов, у нас было еще с полдюжины мозгов и коллекция зародышей, сохраняемая в восьмидесятипятиградусном спирте. Дикари открыли и это. Вкус водки, должно быть, им был уже знаком, так как они сразу напустились на нее. Адская жидкость, конечно, сразу опьянила людоедов и привела их в блаженно-веселое состояние. Громко крича и шатаясь во все стороны, они с блаженными улыбками валились на землю где попало и тотчас же засыпали.

На другой день пение попугаев разбудило пьяниц. Они зевнули, потянулись раз, другой и живо вскочили, прыгая, подобно кенгуру. Хмель совсем вышел из их голов, и только одни валявшиеся кости напоминали об ужасной пирушке. Удивительный желудок у этих дикарей!

Верные своему обещанию, они в безопасности проводили нас до Баллара, несмотря на нашу полную незащищенность от них. Отсюда через три дня мы прибыли в Мельбурн.

Глава 2

Мельбурн тридцать лет тому назад. – Золотая горячка. – В игорном доме. – Крупье и его помощники. – Посетители игорного дома. – Как развлекались диггеры. – Яванские баядерки.

– Мельбурн! – проговорил доктор Стефенсон, остановившись немного, чтобы закурить сигару и выпить стакан пуншу. – Мельбурн! Одно имя его вызывает вихрь воспоминаний о золотой горячке!

Город, вчера только появившийся, а сегодня уже имеющий сотни тысяч жителей, с десятками улиц, где наряду с роскошными дворцами миллионеров стоит жалкая хижина рабочего! Чудовищная грязная клоака, кишасящая подонками всех обществ! Невозможная смесь безобразного разгула, безумной щедрости и поразительной нищеты! Страна золота, крови и труда!

Мельбурн! Любимец всего мира и счастливый победитель своего соперника – Сан-Франциско.

Доктор на минуту замолчал, выпил еще пуншу и затем снова продолжал, уже гораздо спокойнее.

– В то время, к которому относится мой рассказ, то есть почти тридцать лет тому назад, золотая горячка, теперь значительно стихшая, была в полном разгаре. Искатели приключений со всех пяти частей света нахлынули на земли Виктории. Россыпи, одна другой богаче, открывались непрерывно. Так, третьего апреля тысяча восемьсот пятьдесят первого года найдено было золото в бухте Сидней. В августе того же года простой извозчик, вытаскивая свою телегу из грязи, нашел самородок весом в полтора фунта в бухте Мельбурн. Подобные открытия еще более усиливали всеобщую лихорадку, и уже более сорока тысяч эмигрантов трудились с заступами, разрабатывая золотоносные жилы или без усталости промывая песок рек Муррея, Моррум-биджа или Лондона.

В то время легкой наживой были орошены все ремесла и занятия; поселяне, горожане, ремесленники – все превратились в диггеров, то есть золотоискателей; зато всякий оставшийся ремесленник или торговец наживал в короткий срок целые капиталы. Тогда сапожник зарабатывал до ста рублей золотом в день, повар триста рублей в неделю, портному каждый день приносили до семидесяти пяти рублей. Лопата тогда стоила тридцать пять рублей, пара сапог – сто двадцать пять и т. д.

Расплата всегда производилась чистым золотом с весу, причем драгоценный металл шел в порошке, самородками или в слитках. Другой монеты никто не признавал, да так было и гораздо удобнее.

Всякий вступивший на эту землю начинал дышать другим воздухом. Атмосфера была насыщена удушливыми парами от кузниц и плавильных печей. Ухо всюду слышало только звон дорогого металла, везде лившегося целыми реками. Добытое легким трудом, золото разбрасывалось диггерами горстями налево и направо.

Под опьяняющим действием золотой волны даже умнейшие из золотоискателей толпами бежали в единственный игорный дом, расположенный на берегу Ярра-Ярра. Эта река тогда не была еще одета набережной, как теперь, и протекала по пустырям. Поэтому бандитам и мошенникам здесь было полное раздолье, и тихие воды реки постоянно носили на своих волнах трупы убитых игроков, счастье которых в игре возбудило алчность разбойников, сотнями кишевших там.

Желая познакомиться с этим фантастическим миром и посмотреть на сказочные богатства, переходившие в игорном доме из рук в руки, я вошел в этот вертеп. Он никогда не запирался. Днем и ночью, в праздники и будни его наполняли толпы авантюристов, явившихся сюда с обоих полушарий. Мельбурнский игорный дом представлял из себя картину, не имевшую себе равной по той разнузданности страстей, которая царила в нем. Два раза сгорев дотла,

он постоянно отстраивался лучше прежнего и оставался всегда первым по безумной роскоши, грубости и всевозможным порокам своих посетителей до окончательного запрещения азартных игр в Австралии.

Теперь это здание обращено в лазарет и носит самый мирный характер. Не то было в тысяча восемьсот пятьдесят третьем году. Европейец, ступивший в первый раз сюда, испытывал нечто вроде смятения при виде сказочной роскоши убранства, сделанного без всякого вкуса, по капризу необразованного хозяина заведения, – и невообразимого беспорядка диванов, кушеток, кресел и ковров, где, рассевшись как попало, пили, ели счастливые и несчастные игроки.

Тяжелый, пропитанный всевозможными ядовитыми газами воздух, которым дышали здесь, лишил бы чувств любого немецкого гренадера. Несмотря на множество газовых рожков, здесь царил такой туман, что едва можно было различать фигуры крупье (помощников банкомета), сидевших в центре огромного круга, собравшегося вокруг них. Они походили на обыкновенных крупье, одетые в черное платье, выбритые, напмаженные и бесстрастные, как палачи, которым не доступно никакое волнение.

Подле груд золота, в слитках и порошке, у каждого из них висели небольшие весы, где они вешали драгоценный металл. Кроме того, с обеих сторон лежало по заряженному револьверу, нередко пускавшемуся в ход, и длинному ножу, с одного раза пригвождавшему к столу дерзкую руку вора.

Какой Вавилон окружал крупье! Казалось, тут смешались все известные языки, и как смешались!

Рядом с изящным джентльменом, одетым по последней моде, с розою в петличке, сидел какой-нибудь мужиковатый кентуккиец, одетый в грубую кожаную куртку и такие же брюки. Большею частью это был мужчина огромного роста с редкой, включенной бородой. За игрой он постоянно развлекался здоровою пачкою табаку, который он жевал с наслаждением. Такой молодец; с виду полукрокодил, полулошадь, из породы янки, обыкновенно всегда держит наготове острый нож внушительного вида, пырнуть которым кого-нибудь он готов с такою же беспечностью, как вы отстраняете кого-нибудь рукою.

За ним осторожно крадется желтолицый грязный китаец, тщетно старающийся придать своей лисьей физиономии вид придурковатости. Вот он пробует выворотить карманы гиганта. Но «крокодил», как видно, обладает тонким чутьем, ибо его тяжелый огромный кулак с быстротою опускается на бритую голову, и бедный сын Неба, весь окровавленный, летит под стол.

С другой стороны сидят мексиканцы, бразильцы, чилийцы, колумбийцы, которые, привлеченные обилием золотых приисков Австралии, покинули Калифорнию и родные поля.

На краю – несколько офицеров английского флота, грубо расталкивающих локтями соседей, мулатов и негров.

Наконец, европейцы, одни коричневые, как оливы, другие красные, как медная посуда, третьи бледно-желтые, как китайцы...

Все это разноплеменное и разношерстное общество сошлось в игорный дом, чтобы после тяжелых лишений вознаградить себя всеми удовольствиями, которые только может доставить золото. Цель их – прожигание жизни, и они служат этому со всем пылом их необузданных страстей, так как не только пьют, играют и едят в этом вертепе, но и занимаются ухаживанием, а иногда и режутся, к отчаянию полицейских шерифов и констеблей.

Грязные диггеры, составлявшие все-таки большинство, одетые в лохмотья, в дырявых сапогах, но с поясом, полным золота, наслаждались здесь, что называется, «вовсю» и сорили деньги направо и налево.

Одни заказывали изысканные блюда и, бесцеремонно рассевшись где-нибудь, прямо пальцами отправляли их в рот. Другие отдыхали, беспечно растянувшись с ногами на шелковых диванах, и грубовато любезничали с яванскими танцовщицами, этими вампирами, которые до последней капли высасывали кровь и золото попавшего к ним в руки диггера.

Но зато как прекрасны эти баядерки Индийского океана, со своими черными до синевы волосами, рассыпанными по плечам!.. Какой трепет обнимает европейца, когда их черные, бархатные глаза, опущенные шелковистыми ресницами, пронзают его душу своим горящим взглядом, или когда он присутствует при их несравненном танце!..

Тут доктор снова остановился и отпил пуншу.

Глава 3

Баядерка и великан. – Дон Андрес Кухарес-и-Малинхе-и-Мирамонтес. – Два противника. – Достопочтенный сэр Артур Моррис держит пари с сэром Джимом Сондерсом. – Страшный поединок. – Смерть испанца. – Недолгое торжество великана. – Пари приходится разыгрывать. – Близкая высадка на землю. – Конец рассказа доктора Стефенсона.

Воспоминание о баядерках привело доктора в некоторое волнение. Легкая краска покрыла его лицо. Но стакан пуншу возвратил ему прежнее самообладание, и он спокойно продолжал:

– Мне вспомнилось одно ужасное событие, имевшее место тою ночью. Оно показало мне, до чего может дойти человек, не знающий на себе никакой узды, как посетители игорного притона на Бук-стрит. Причиной была одна из баядерок.

По окончании танцев, о которых я только что сказал, одна из самых красивых танцовщиц проворно выхватила у ближайшего к ней диггера оловянную кружку и пошла с нею по рядам зрителей, собирая плату за танец. Обходя диггеров, она остановилась пред одним исполином, кентуккийцем, рассеяннo стрoгавшим себе зубочистку из куска эвкалипта.

– Ну, что, господин, – прощепетала она с обворожительной улыбкой, – доволен ли ты? Дочери больших озер так ли утешали тебя? Ты никогда не любил? – И прелестная сирена, вполне заслужившая имя «Райской Птички», лукаво посматривала на гиганта своими пленительными глазами.

А «господин» стоял, как истукан, и в замешательстве вертел своим ножом. Его длинная, мускулистая фигура выражала ребяческую беспомощность. Перестав жевать свой табак, он смущенно-восторженным взглядом смотрел на стоявшую перед ним красавицу. В восторге раскрылся его огромный, с желтыми зубами рот, но мог произнести только односложное: «О!..», выражавшее смесь восхищения и удивления. Наконец оцепенение прошло. Колосс порывисто сунул свою широкую руку в туго набитый золотом пояс и, выхватив оттуда полную горсть золотых слитков, стремительно кинул ее в подставленную кружку. С сухим шумом упали куски благородного металла.

Сирена полуоборотилась, бросила своей подруге добычу, а сама живописным жестом откинув назад свои волосы, стремительно бросилась на шею колосса...

– Карамба! – вдруг раздался гневный голос. – Нет, черт возьми, ты не уедешь отсюда!.. Теперь у меня карманы пусты, зато сердце полно любви!.. Райская Птичка, брось этого верзилу, иди лучше ко мне! Не то я перерву тебе горло! Это так же верно, как то, что я тебя обожаю и что меня зовут Андрес Кухарес-и-Малинхе-и-Мирамонтес.

Взрыв саркастического смеха, серебристо раздавшийся из розового горла красавицы, был единственным ответом горячему ухаживателю.

Та, которую так живописно прозвали Райской Птичкой, раскрыла несколько плащ, в который было укуталась, и, отойдя к кучке подушек, небрежно облокотилась на них в ожидании, что соперники перегрызут друг другу горло.

Предвкушая приятнее зрелище, все присутствующие игроки бросили свои столы и, образовав широкий круг, приготовились, по своему обыкновению, держать пари за того или другого дуэлянта. Другие, рассевшись по диванам, нетерпеливо ждали начала кровавой драмы.

Два человека, готовившиеся биться насмерть, представляли поразительную противоположность друг другу. Длинный, высокий, плечистый, мускулистый американский диггер представлял живое воплощение грубой несокрушимой силы. Его противник, бывший не более пяти футов, имел совсем другой вид. Это был один из тех чистокровных испанцев, которые завтракают сигареткой, обедают луком и ужинают серенадой. Желтое пергаментное лицо и черные глаза, горевшие подобно раскаленным угольям, сразу привлекали внимание. Если прибавить к

этому еще сухие, жилистые члены и поношенное платье, то перед вами будет полный портрет этого сына дальней Испании.

Он стремительно обнажил свою наваху и быстро сорвал с окна одну из бархатных занавесок; свернув затем бархат вчетверо, он обернул им левую руку и принял небрежную позу своих соотечественников: выдвинув вперед левую ногу и руку, голову и плечи отклонив несколько назад и держа в правой руке нож.

– Хотите ли, – кричал он, скаля зубы, – уступить мне синьору?

Гигант, при виде пигмея, едва доходившего ему до груди, только свистнул в ответ и схватил в свой огромный кулак рукоятку ножа.

Между тем зрители, внимательно следившие за всеми движениями противников, стали держать пари.

– Я полагаю, – сказал сэру Артуру Моррису почтенный Джим Сондерс, – что кентуккиец сотрет в порошок этого гидальго.

– Держу сто долларов, что нет, – отвечал сэр Моррис.

– Охотно, джентльмен.

– Сто пятьдесят луидоров за кулак янки!.. – кричал какой-то француз.

– Сто долларов за наваху испанца! – отвечал другой голос.

– Идет.

Не обращая внимания на публику, дон Андрес-и-Мирамонтес первый начал поединок. Сognувшись почти до земли, он вдруг выпрямился и направил страшный удар в живот противника; но тот с проворством, изумительным для такого мастодонта, увернулся от удара.

В свою очередь янки отвечал сильным взмахом ножа, который бы снес голову гренадца, если бы его не предупредил скачок в сторону, обычный у тореадоров.

В немом изумлении эти два человека с минуту глядели друг на друга и сделались более осмотрительными.

Испанец сбросил свой мягкий щит и остался без прикрытия. Быстрее молнии голубая сталь кентуккийца обрушилась на незащищенное место. Тот думал было снова повторить свой прежний маневр. Слишком поздно! Хотя нож зацепился за брошенный бархат, но длинная и жилистая рука, сжимавшая роговую ручку ножа, с силою протянутая, достигла лица дона Андреса, разбила ему зубы и опрокинула навзничь.

Громкое браво присутствующих встретило этот ловкий удар.

Раненый испанец, с окровавленным ртом, вскочил снова на ноги и приготовился отразить нападение, так что, когда гигант думал нанести последний, ужасный удар, его нож рассек только воздух. Великан был обескуражен. А испанец, воспользовавшись его смущением, с кошачьей ловкостью бросился вперед. Его обезображенная фигура, окровавленное лицо и разбитая челюсть, висевшая как тряпка, придавали ему ужасный вид.

Но никто из зрителей не счел нужным вмешаться в кровавый бой; напротив, каждый подзадоривал бойцов.

Между тем кровавая развязка приближалась. Тщетно испанец истощал все тонкости фехтовального искусства; ловкие удары, удачные отражения, быстрые отскакивания – все было пущено им в ход, и все-таки он скоро был прижат к стене.

Счастье совершенно оставило его. Не успел он увернуться от одного удара, как нож противника снова опустился на его спину и провел по ней широкую борозду. Страшный кулак разбил его плечо, и левая рука, державшая бархат, упала, парализованная.

Несмотря на такую рану, испанец не потерял своего хладнокровия и продолжал кровавую игру. Он ловко подставил противнику левую ногу. Кентуккиец, запнувшись о нее, пошатнулся. Его поднятый нож опустился, руки тяжело упали на живот...

Не дав ему опомниться, дон Андрес по самую ручку всадил ему в живот свою наваху. Крупные капли пота покрыли широкий лоб янки, кровь ручьем полилась из раны, но он не упал и, собрав все силы, поднял свою руку...

Словно молот, упал его гигантский кулак на голову несчастного испанца. Тот только вскрикнул и грузно ударился об пол.

Победитель облегченно вздохнул, бросил торжествующий взгляд на Райскую Птичку, которая в это время равнодушно грызла своими перламутровыми зубами гранатовые зерна. Но в ту же минуту он медленно опустился и упал.

– Я полагаю, – сказал почтенный Джим Сондерс сэру Артуру Моррису, – мы оба правы. Думаю поэтому, что нам лучше разыграть свое пари... с вашего позволения, впрочем, джентльмен...

– Господа, – раздался голос крупье, – игра начинается...

Резкий свисток боцмана прервал рассказчика. Мы оглянулись. Утреннее солнце встало на горизонте, и его золотой диск медленно выплывал из-за облаков, обливая красными лучами поверхность моря. Задвигались тяжелые якоря. Зашумел пар в машине. Несколько поворотов винта – и корабль величественно направился к берегу.

– Теперь, дорогие друзья, – сказал доктор Стефенсон на прощание, – позвольте поблагодарить вас за внимание ко мне. Край, который вы сейчас увидите, много изменился со времени моего первого путешествия; вы потом сами сравните свои впечатления с теми, о которых я вам только что передавал. Пока же позвольте проститься с вами: мне нужно сейчас делать доклад о гигиеническом состоянии судна. Я вижу, к нам едет лодка с членами врачебной комиссии, как можно судить по желтому флагу. До свидания же! Завтра жду вас к себе в Шотландский отель, на Коллинс-стрит. Я вам предложу такой ростбиф, что пальчики оближете.

Глава 4

Зачем я отправился в Австралию? – Мельбурн. – Китайцы и их квартал в столице Виктории. – Австралийские туземцы. – Кто такие были майор Гарвэй, лейтенант Робертс и прапорщик Мак-Кроули. – Внезапное решение. – Советы доктора Стефенсона. – Моя свита. – Проводник. – Что такое австралийская «станция». – Станция «Трех фонтанов». – Австралийские фургоны. – Сэр Рид и его племянники. – Таинственное письмо.

Я отправился в Австралию не как эмигрант или чиновник, не как моряк или, наконец, репортер тех богатых газет, которые не останавливаются ни перед какими издержками, чтобы дать своим читателям побольше нового. Однако я не турист, как те господа, которые сломя голову бродят бесцельно по всему свету, сами не зная зачем.

Я просто путешествую потому, что страстно люблю природу во всех ее видах и проявлениях, потому что время от времени испытываю сильную потребность скрыться от угрюмой действительности Старого Света и пожить свободною жизнью.

С другой стороны, не претендуя на имя ученого, я, однако, достаточно сведущ в науке, чтобы интересоваться произведениями природы и путешествовать ради увеличения своих знаний. Таким образом, мои странствования, всегда совершенно свободные и добровольные, никогда не бывают бесплодными.

Таковы доводы, заставившие меня ехать к австралийским дикарям. Объездивши четыре части света в качестве охотника и натуралиста, я побывал и в пампасах, и в джунглях, и в саваннах. Оставалось посетить только Австралию, эту почти вовсе не известную в Европе страну, которая уже давно привлекала меня. Желая поскорее обозреть чудеса ее, описанные английскими авторами, я поспешил в Глазго сесть на корабль. Багаж меня не обременял: я взял только необходимое, а для всего прочего позаботился больше запастись драгоценными чеками французских и английских банков с переводами на главнейшие банкирские дома Мельбурна, Перта, Аделаиды, Сиднея и Брисбана. С этими бумажками в портфеле мое путешествие прошло и весело, и приятно.

Скоро я увидел австралийское солнце. Хорошая торговля в несколько лет создала здесь множество удивительных городов, которые приняли вполне европейский вид. Особенно роскошен Мельбурн, но о нем я не буду много распространяться: имеется много хороших описаний его. Кроме того, и так каждый слышал о его банкирских домах, его ресторанах, его игорных домах, его театрах. Нет нужды упоминать и о мельбурнских клубах, библиотеках, школах, музеях и т. д. Все это очень шаблонно. Даже бульвары здесь такие же, какие вы видите у себя в Европе, только эвкалиптовые аллеи придают им оригинальный вид. Кафешантаны – те совсем устроены на европейскую ногу, разве только поют в них хуже, чем в наших. Но зато в них содержат баядерок, которые не уступят ни в чем тем баядеркам, про которых рассказывал выше доктор Стефенсон. Это просто воплощение кипучей страсти и самой увлекательной живости. Наконец, сто пятьдесят журналов и газет столицы Виктории окончательно ставят ее вровень с лучшими городами Европы. В общем, Мельбурн, бывший в юности безумным, с годами принял серьезный, деловитый вид.

Все это, конечно, было хорошо и красиво. Но я не для того проехал целые тысячи верст, чтобы увидеть здешних англичан и немцев с их дражайшими половинами и чадами включительно. Они мне приелись и в Европе. Мне хотелось поглядеть на настоящих австралийских дикарей. А пока, в ожидании встречи с ними, я посещал иногда китайский квартал, вонючее место, откуда с раннего утра до поздней ночи неслись визгливые крики «сынов неба», от которых за сажень разило козлом и прочими невыразимыми прелестями. Эти «небесные жители» всегда возбуждали во мне чувство некоторого отвращения.

Напротив, редкие образцы туземцев, попадавшие мне на улицах или скверах, всегда возмущали мое сердце, при виде их жалкой собачьей жизни. Чего бы я не дал, чтобы видеть их бродящими свободно по своим лесам и пустыням?!

Ничего нет печальнее и жальче этих несчастных, одетых в грязные лохмотья и ютящихся где-нибудь под заборами. В большинстве это были забытые существа. Некоторые, впрочем, думали и о щегольстве и важно выступали, надев на голову распоротую шляпу или накинув на плечи ветошь старьевщика.

Проведя целых восемь лет среди ряда праздников, где царствовало чисто провинциальное поклонение желудку, посетив дважды золотые россыпи Гилонга и Боллара, я вполне удовлетворил свое любопытство и уже начал чувствовать пресыщение от тех удовольствий, которые предоставляет своим посетителям «царица южных морей».

Но случай, эта полярная звезда праздношатаев, помог мне: я имел невыразимое счастье встретить трех господ, с которыми познакомился в Мадрасе – и присутствие которых обещало мне много новых удовольствий.

Записные спортсмены, майор Гарвэй, прапорщик Мак-Кроули и лейтенант Робертс готовы были с утра до позднего вечера шататься по трактирам или бродить, куда занесет фантазия.

Раз ночью мы ужинали не помню в каком казино, и разговор зашел об охоте. Предмет был крайне интересный и неисчерпаемый, и мои собеседники были просто неистощимы в рассказах. Майор рассказывал нам об ужасных охотах в Индии, где на тигров охотятся со спины слонов. Лейтенант познакомил нас с своими блужданиями по лесам Южной Африки и битвами с африканскими львами и гиппопотамами. Улыбки сожаления и легкого презрения сопровождали наши рассказы, когда речь заходила о жалких европейских охотах на какого-нибудь волка или лисицу.

Воспоминания о былых днях, вместе с несколькими бутылками «вдовы Клико», разожгли наш охотничий пыл, и, недолго думая, мы, в трактире же, составили план охоты на австралийского кенгуру.

Правду сказать, нужно было иметь порядочную долю безумия с нашей стороны, чтобы решиться на подобную охоту. Однако экспедиция была решена, и мы упаковали свой багаж, который был довольно легкий, так как в качестве завязанных охотников мы ненавидели громоздкость. Отъезд был назначен на другой день, двадцать второе января.

Перед отправлением в путь я зашел проститься с доктором Стефенсоном, старым другом по двухмесячному пребыванию на корабле.

– Доктор, – обратился я к нему без обиняков, – я пришел сказать вам «прости».

– Уже? – удивленно протянул он.

– Да, я задыхаюсь в вашем Мельбурне! Ваша цивилизация раздражает меня... и я предпочитаю городской роскоши пустыню, вольный воздух и свободную жизнь!

– Куда же вы намерены отправиться?

– К северу. Я хочу посмотреть на страны, где еще не проходили локомотивы... Хочу видеть деревья, кроме мельбурнских эвкалиптов, выросших в дыму ваших заводов... Довольно лживых речей, черных фраков и церемонных обедов... Я сказал: – еду!..

– О, о! Парижанин затосковал по деревне! И вам не жалко вашей улицы Друо?

– Я предпочитаю всему Парижу пустыню, море или девственный лес.

– Ну, будет, будет... Верю, и сам поехал бы с вами, будь я на четверть века моложе.

– И вы, доктор, отказываетесь? Разве вы не имели всегда твердой ноги, верного глаза и хорошего аппетита? Впрочем, ни слова больше... Я отправляюсь завтра на восходе солнца с тремя милейшими товарищами, своими собаками и лошадьми. Мы поедем сначала за двадцать четыре версты отсюда к сэру Риду, охотнику на кенгуру... Хорошая прогулка, как видите. Ну, так едемте!

– По Австралии, дорогой друг мой, не гуляют. Здесь легко заблудиться и умереть с голоду среди лесов, хотя и роскошных, но так же страшных, как полюс с его вечными льдами или пустыня с ее знойными песками. Кто знает, сколько времени продолжится ваша прогулка!

– Но ведь «Твид» раньше шести месяцев не уйдет?

– Нет, я все-таки отказываюсь, и мое решение зрело обдуманно. А вам дам несколько советов, пользу которых вы, может быть, позже оцените. Повторяю, остерегайтесь великолепных пустынь, через которые вам придется проезжать... Они опаснее африканской Сахары, потому что здесь не обращают внимания на предосторожности, которых не забывают в других местах. Будьте осмотрительны! Вспомните смерть несчастного Бурке. Провизии не ленитесь запастись побольше, особенно воды: дорогою, может, придется на сто верст не встретить ни капли. В заключение, берегите лошадей: спасение путешественника часто зависит от быстроты его коня.

– Тысячу раз благодарю вас, дорогой доктор. Но я бывал в самых опасных положениях и всегда счастливо выходил из них. Надеюсь, и теперь не потеряюсь. Вот сами увидите, что мы скоро возвратимся назад.

– Ну, хорошо, до свидания в таком случае! – заключил доктор, крепко пожимая мне руку.

В то время как я прощался с доктором Стефенсоном, мои друзья достали себе отпуск из адмиралтейства.

Пять часов спустя мы уже прибыли в Эшуку, откуда весело отправились, с ружьями на плечах, по направлению к жилищу сэра Т. Рида, расположенному в двадцати четырех верстах от Мельбурна, внутри страны. Нас сопровождали десять великолепных больших собак, бывших для меня неоценимыми помощниками на охоте и неразлучными спутниками во всех моих странствованиях. Они одни остались в живых из своеобразного экипажа в двадцать пять штук, которых я постоянно возил с собою. Каждое из этих благородных животных побывало со мною во всевозможных опасностях. Если бы кто вздумал описать их жизнь, то вышла бы целая одиссея: Люмино побывал в пасти боа, и только мое ружье избавило его от опасности попасть в желудок ужасного чудовища. Я убил боа и имел печальное утешение построить храброму товарищу приличный памятник. Это было в голландской Гвиане. Стентор, ужаленный в морду коброю-капеллою, умер в пять минут, в двухстах верстах от Гуаймаса. Маргана погиб в Луизиане, увлеченный на дно реки аллигатором около Байу-Лафурша. С полдюжины погибло в Кордильерах, защищая меня от диких быков. Оставшиеся, хотя были все испещрены рубцами, представляли безукоризненных животных, с которыми можно было охотиться на всякого красного зверя. Выючный мул тащил наш багаж; при себе у нас было только необходимое оружие да компас у каждого (вещь незаменимая в Австралии).

Проводником у нас служил один старик – туземец, которому майор однажды спас жизнь и который за это платил своему благодетелю рабскою привязанностью. Беднягу, ни много ни мало, собирались изжарить и скушать. Майор упал лакомкам как снег на голову с револьвером в руках и едва успел снять старика с противня. В благодарность за это спасенный взялся указывать нам дорогу; знание местности и ловкость на охоте делали его для нас вдвойне драгоценным.

После путешествия, приятность которого нарушалась лишь жестоким зноем, просто растапливавшим наши мозги, мы достигли «станции».

Может быть, читателям неизвестно, что такое «станция» в австралийской пустыне? Я постараюсь объяснить это в нескольких словах.

Английское правительство уступило огромное количество земель внутри материка богатым скваттерам, которые понастроили на них своих ферм в виде укреплений, для защиты от нападений туземцев. Под страхом значительного штрафа скваттеры обязаны иметь в них склады со всеми необходимыми вещами: съестными припасами, оружием, платьем и прочим товаром, который они должны продавать по мельбурнским ценам. Кроме того, они должны

принимать у себя, хотя бы на три дня, всякого путешественника, который попросит гостеприимства.

Станция Трех Фонтанов, – таково было название жилища сэра Рида, – когда мы достигли ее, была полна жизни и шума. Во дворе стояло шесть огромных экипажей, правильно расставленных. Это были огромные колымаги сажени в три длиною; в каждую из них впрягалось по крайней мере десять лошадей. Эти дилижансы австралийских колонистов, похожие на фуры южноафриканских буров, обыкновенно покрываются крепким полотном. Вместимость их необыкновенно велика: в фуре помещается оружие, съестные припасы, инструменты, бочонки для воды, принадлежности лагеря и т. д., – короче, в них кладется все, что обыкновенно берут на корабль, собираясь в дальнее плавание. Таким образом, австралийский путешественник никогда не должен забывать, что изречение философа: «все свое ношу с собою» – здесь непреложимо.

Толпа слуг трудилась над фурами. Одни обивали гвоздями навес, другие натягивали железные шины на тяжелые колеса; третьи пробовали крепость упряжи. Работа кипела в их умелых руках.

Наш приход был тотчас замечен, и хозяин вышел встретить гостей. Это был старик лет шестидесяти с гордым, величавым видом. Несмотря на годы и седые волосы, его высокая мускулистая фигура поражала крепостью. Крепкий старик, казалось, не знал усталости.

Близ него стояли два молодых человека, из которых старшему на вид было около двадцати пяти лет, а младшему лет двадцать. Оба юноши были одеты по последней парижской моде, только на головах у них были надеты не шляпы, а белые пробковые каски, столь обычные у английских и американских путешественников.

При виде майора Гарвэя, его друга детства, все британское величие сэра Рида исчезло в широкой улыбке. Он раскрыл объятия, и два друга крепко, по-товарищески обнялись.

– Генри!.. – Том!.. Какое счастье! – вырвались одновременные восклицания.

Когда восторг друзей прошел, майор превратился в светского человека и церемонно представил нас скваттеру, который встретил обоих офицеров, Мак-Кроули и Робертса, как соотечественников.

Что касается вашего покорнейшего слуги, то достойный джентльмен принял его так, что только моя скромность заставляет умолчать об этом. Оказалось, что моя репутация путешественника и рассказчика перелетела моря, и сэр Рид долго не переставал осыпать меня своими похвалами.

Молодые люди оказались племянниками нашего хозяина. Старшего, офицера королевского флота, звали Эдуардом, младшего, корнета гвардии, – Ричардом.

По окончании взаимных приветствий и представлений мы удалились в отведенные нам комнаты. Там ожидало нас полное удобство. Роскошные покои, меблированные с изяществом и вкусом, ванны и дорогие ковры заставили нас позабыть, что мы находимся в австралийской пустыне. Исправив свой туалет, мы отправились на веранду, где был накрыт ужин.

К моему удивлению, майор, которого мы час тому назад оставили улыбающимся, встретил нас с озабоченным лицом. Видимо, он был чем-то серьезно занят.

– Майор, – воскликнул я, – что с вами? Не случилось ли чего с кенгуру? Не ушли ли они к северу? Черт возьми! Все же я решился поохотиться за ними, хотя бы для этого пришлось идти до самого залива Карпентарии.

– Может быть, вы сказали правду.

– Разве? Тем лучше. Я и то был опечален перспективою возвратиться в Мельбурн через несколько дней.

– Браво, мой милый путешественник! Вы утешили меня! Мы будем охотиться на кенгуру, только гораздо дальше. Я мог рассчитывать на Робертса, который мне родственник, и на Кро-

ули, помолвленного с моей дочерью. Что касается вас, я не имел никакого права стеснять вашу свободу. Мы едем завтра; я предполагал, что путешествие продолжится всего несколько дней, а придется, видно, продолжить его до нескольких месяцев. Благословен случай, приведший вас сюда сегодня... Исполнение одной священной обязанности отзывает нас далеко отсюда... Опасности и лишения ожидают нас... Что за важность, лишь бы иметь успех!

– И вы могли думать, майор, что я, ваш друг, позволю вам уехать без меня, особенно когда дело идет, как теперь, о помощи вам? Ах, любезный сэра Гарвэй, это очень нехорошо! Я не хочу знать причины, заставившей вас ехать в глубь пустыни, – пусть она останется для меня неизвестной, но я буду сопровождать вас во что бы то ни стало.

– Тогда позвольте рассчитывать на вас. Однако нечего попусту терять драгоценное время. К путешествию все готово. С нами поедут двадцать людей, шестьдесят лошадей и десять фургонов, которые наполняют перед вашими глазами. Путь предстоит неблизкий: нам придется проехать по Австралии до двух тысяч верст.

– В добрый час!

– Что касается причин этого путешествия, очень странного и необыкновенного, то содержание настоящего письма лучше всяких длинных фраз объяснит вам дело. Письмо это было отправлено из Австралии в Англию, откуда его привезли, восемь дней тому назад, племянники сэра Рида, приехавшие сюда с сестрою отыскивать своего отца, пропавшего без вести уже двадцать лет тому назад. – С этими словами майор Гарвэй подал мне несколько листков исписанной почтовой бумаги.

Глава 5

Таинственное письмо. – Несчастный отец. – Жертва судебной ошибки. – Белый среди дикарей. – Опять Джоз Мак-Нэй. – Скрытое богатство. – Конец письма. – Беседа с майором.
Поданное мне майором Гарвэем письмо заключало следующие строки:

«Дорогие мои дети!

В продолжение многих лет разлученный со всем, что я любил, я стою теперь на краю гибели. Из сострадания к моей памяти, во имя любви к той, которая была вашею матерью и которая меня простила, не старайтесь проникнуть в то, что откроет вам будущее. Ужасная тайна пусть умрет со мною.

Знайте только, милые дети, что для вас одних я целых двадцать лет сносил бремя тяжелого существования.

Если у меня не было счастья видеть вас близ себя, то я все-таки при посредстве одного друга мог помогать вашим насущным нуждам и облегчить вашей благородной матери тяжелый труд воспитания. Это все, что я мог сделать.

Вчера вы были бедны, сегодня – богаты. Пусть принесет пользу вам мое состояние, честно приобретенное мною неустанным трудом; да поможет оно устроить вам счастье жизни!

Эдуард, Ричард и Мэри, восстановите честное имя вашего отца, запятнанное приговором суда. Мои миллионы, оставленные вам, окажут в этом деле существенную пользу!

Но прежде, чем раскроете всю мою жизнь, знайте, что я, виновный в глазах закона, совершенно чист перед своею совестью и честью.

Сильные враги, которым я сейчас простил, – вот где причина моей гибели. Два раза я почти чудом избегал их козней. Наконец, тяжело раненный и ограбленный дочиста в австралийской пустыне, где умираю теперь, я нашел убежище у дикарей, которые оказались лучше белых: они по-братски приютили меня...

С тех пор я не покидал этих бедных, несчастных созданий, у которых отнимают даже имя людей и которые сделались жестокими только вследствие беззаконной системы английской колонизации. Они сделались моими друзьями.

Не понимая потребностей нашей цивилизованной жизни, они сначала никак не могли объяснить себе моей страсти к золоту. Когда же я дал им понять, что эти желтые камни, не имеющие цены в их глазах, могут обеспечить моим детям всё блага жизни, они сделались самыми ревностными моими помощниками.

Счастье, бывшее таким жестоким, наконец улыбнулось мне. Племя Нга-Ко-Тко, которое приютило меня, имело своим вождем одного беглого каторжника. Его звали Тта-Ойя, то есть Красным Опоссумом. Запомните, дети, эти имена: от них зависит ваше счастье. Такое прозвище дикие дали ему за длинную рыжую бороду, удивлявшую диких, настоящее же имя его было Джоз Мак-Нэй...»

– Из графства Думбартон в Шотландии – вдруг вскричал я в невыразимом волнении. – Господа, вот так чудеса! Послушайте! Доктор Стефенсон, перед высадкою в Сандридже, рас-

сказал нам одно приключение, где он был одним из героев, а главным действующим лицом – тот же Джоз Мак-Нэй, или Красный Опоссум... Да, это несомненно одно и то же лицо... Странно... однако прочтем дальше...

«Это был шотландец железного сложения, грубый, необразованный, но в сущности очень добрый мальчик.

Скоро крепкая и нерушимая дружба связала нас! Он был моим благодетелем и облегчил мне первые сношения с туземцами.

Во время постоянных скитаний с дикими мне посчастливилось открыть золотоносные россыпи неистощимого богатства. При помощи новых друзей, преобразившихся в диггеров, я добыл драгоценного металла приблизительно миллионов на десять.

Это сокровище скрыто в трех местах, известных только Джозу и его трем сыновьям. Храбрый «тид-на» (глава, начальник) женился на одной туземной девушке, и та подарила ему трех здоровых мальчиков, которых он постарался воспитать и научить, как только мог.

Отыщите это золото, по праву принадлежащее вам. Знаю, дорогие мои, как труден будет путь, который придется пройти вам. Но мне никак невозможно избавить вас от него: я не владею перевозными средствами, а мои бедные друзья не могут пройти пятьсот верст под тяжестью багажа, утомительного и для лошади. Кроме того, вы знаете их натуру. Их жизнь идет спокойно только до тех пор, пока они не приблизятся к цивилизованным людям.

Отправляйтесь же в Австралию, дорогие дети! Если можете, заинтересуйте предприятием нескольких верных друзей: лишний преданный человек никогда не помешает. Насчет советов обращайтесь к моему доброму брату. Он вас, знаю, очень любит и поможет вам. С Богом идите в дорогу! Ваше предприятие, хотя и трудное, не превышает человеческих сил, кроме того, в моих черных друзьях вы встретите надежных помощников.

Нга-Ко-Тко давно уже изменили свою кочевую жизнь и живут теперь в определенной местности. Их земли лежат между ста тридцатью пятью и ста тридцатью семью градусами восточной долготы и от девятнадцати до двадцати одного градуса южной широты.

Когда вам удастся достигнуть этих мест, вы встретите целые леса камедных деревьев. Вам нужно будет вырезать на белой коре этих деревьев голову змеи ножом. Делайте это почаще. Тогда туземцы, от глаз которых ничто не скроется, по этим знакам, известным им одним, поймут, что ожидаемые иностранцы (я сообщил им о вас) вступили в их землю.

Змея – коббонг, то есть эмблема племени Нга-Ко-Тко. Увидя свой племенной символ, изображенный неизвестною рукою, мои добрые друзья пустятся в поиски за вами, и я уверен, что скоро найдут вас, так как они обладают особенною способностью открывать присутствие белых. Вы узнаете моих посланцев, Джозу с сыновьями, по тому же коббонгу, а также на основании некоторых подробностей вашего детства, о которых я передал ему. Он введет вас во владение наследством вашего отца.

Теперь я могу умереть спокойно. Мое здоровье надломлено бессонными ночами и перенесенными трудами. Я, вероятно, уже не буду иметь величайшего счастья видеть вас подле себя, и Красный Опоссум закроет мне глаза.

Прощайте!»

– Какое удивительное приключение! – невольно вырвалось у меня после чтения письма. – Доктор Стефенсон был вполне прав, предсказывая, что наша прогулка может затянуться на неопределенное время. Когда же, майор, мы отправляемся?

– Завтра с восходом солнца. Я хочу сейчас послать курьера в Мельбурн с просьбой об отсрочке отпуска. Не правда ли, Роберт? Не правда ли, Кроули?

– Да, конечно, дорогой майор, – в один голос отвечали молодые офицеры.

– Вам, дорогой друг, – обратился ко мне Гарвэй с улыбкой, – этого не нужно, вы служите по желанию. Еще раз благословляю случай, который привел нас сюда сегодня. Благодаря ему сэр Рид увеличил свой экспедиционный отряд четырьмя молодцами, которыми не следует пренебрегать. Так ли я говорю, милый мой француз? Вы видите, что не одни ваши соотечественники способны на опасные приключения. Ваши соседи по другую сторону Ла-Манша тоже могут бросаться в опасность, не боясь последствий.

– А какой путь выберем мы?

– Сам не знаю еще. Вот сэр Рид скажет сейчас. Да вон он сам на лужке со своею племянницей, мисс Мэри. Я попрошу его прийти сюда. Подождите, господа, через две минуты он будет здесь.

Глава 6

Отъезд. – Наш караван. – Фургоны. – Мой оруженосец Кирилл и его история. – Герр Шаффер. – Состав экспедиции. – Маршрут. – Начало путешествия. – Том выследил кенгуру. – Охота. – Девственный лес. – Победа Мирадора.

На другой день после приезда на станцию Трех Фонтанов, в назначенный час, мы отправились на поиски за богатым наследством брата сэра Рида, отца мисс Мэри и ее братьев, Эдуарда и Ричарда. Наш караван состоял из шести фургонов, которые мы видели накануне во дворе. В каждую из этих тяжелых колымаг впрягли по десять сильных лошадей. За ними, в стройном порядке, следовали еще шестьдесят – эти должны были везти завтра.

В первый день мы проехали сорок верст к северу. Вечером разбили лагерь.

Теперь позвольте мне, прежде чем перейти к дальнейшему рассказу, описать в кратких чертах наш караван, очертить наш путь и представить вам моего незаменимого Кирилла, довольно грубоватого, но верного моего спутника, который двенадцать лет неразлучно странствует вместе со мною.

Фургоны были доверху наполнены съестными припасами: в пустынях Австралии никогда нельзя сказать, найдется ли чем пообедать завтра. Таким образом, здесь сложен был провиант на шесть месяцев для двадцати людей, составлявших караван: бисквиты, кофе, сахар, спирт, соленая и сушеная говядина, рис, мука и сухие овощи. Голод, как видят читатели, нам был не страшен, если бы только не случилось никакого несчастья. Кроме того, в каждой телеге было положено по бочке воды в пятьдесят пудов, что составляло драгоценный запас, который расходовался с величайшею осторожностью. Для защиты от ночного холода и дождей у нас были непромокаемые палатки, а для предохранения от жгучих солнечных лучей – пробковые каски с вуалями.

От нападения туземцев каждого из нас защищали: отличный карабин Ремингтона с полусотнею патронов в кармане, топор, нож и револьвер. Сверх того, одна из телег везла обильные запасы этого материала. Сэр Рид имел даже предосторожность нагрузить сюда же легкую митральезу системы Сартель и Монтиньи, которая могла выпустить шестнадцать выстрелов в несколько секунд.

Наконец, на случай, если бы пришлось встретить какое-нибудь значительное скопление воды, одна шестисаженная фура была обита железом и скреплена гвоздями, так что могла служить при нужде хорошею лодкой. Для этого достаточно было ввезти ее в воду, снять колеса, поставить припасенную мачту, взять весла – и вышла бы настоящая шлюпка, на которой можно было ехать куда угодно.

Сказав о нашем караване, позволю себе сделать маленькое отступление, очертив вкратце биографию моего товарища, Кирилла, чего он заслуживает как по той роли, которую ему пришлось играть в экспедиции, так и по тому значению, которое имеет он для меня.

Кирилл – мой молочный брат, родившийся в один день со мною, ровно тридцать два года тому назад, в Экренне, небольшой деревеньке департамента Луары. Беспечно и весело, как все дети, росли мы в Экренне; ни малейшая тень не затемняла нашей дружбы до самого моего поступления в Орлеанский лицей. Тут в первый раз товарищ моих игр почувствовал печаль и тоску по другу. Простодушный мальчуган никак не мог понять, почему нужно сидеть в душной комнате и корпеть над непонятною латынью, вместо того чтобы свободно лазить по деревьям или ловить рыбу... Сознаюсь, и я разделял это мнение. Зато во время моих вакаций наша радость не знала границ. Чего только не придумывали мы, чтобы провести как можно веселее время! Каких игр и шалостей мы не проделывали! Нужно только удивляться, как мы не сломали себе голов, с нашими забавами!

Когда я немного подрос, муж моей кормилицы, Делафой, всегда баловавший меня, подарил мне ружье. Предоставляю вам судить о моем волнении, о моей радости, когда я в первый раз в своей жизни спустил курок!

С этого знаменательного дня я сделался страстным охотником.

Прошло несколько времени, нам было уже около пятнадцати лет, как непоправимое несчастье обрушилось на бедного Кирилла: в несколько дней он потерял обоих своих родителей. Сироту взяла к себе моя добрая мать, и с этого времени он сделался членом нашей семьи, чего вполне стоил по своему несравненному сердцу.

С летами из него выровнялся рослый молодец саженного роста и атлетического сложения. На широких плечах помещалась огромная голова с маленькими умными глазами. Железные ноги не знали усталости. Если прибавить к этому, что Кирилл был отличный рубака и стрелок, то вам вполне будет известна физиономия моего богатыря. Но при безумной храбрости он всегда хранил благоразумие и ясность мыслей. Самообладание никогда не оставляло его, даже в самые трудные минуты. Нужно, например, отправляться в какое-нибудь дальнее путешествие.

– Кирилл, – скажешь ему, – мы едем.

– Хорошо, – ответит он просто. – Куда же?

– Да хоть в Мексику, Индию или Африку.

– А наши собаки? Им, бедняжкам, очень тяжело будет сидеть в трюме!

– Мы дадим им отдельные каюты.

– Слишком дорого! Не лучше ли будет везти их как-нибудь иначе?

– Делай как знаешь; я полагаюсь на тебя. Итак, решено, мы едем завтра и будем свободно охотиться, где захотим, не встречая неприятных надписей: «Охота воспрещается».

– А, вот это хорошо! – говорит Кирилл, потирая руки, и глаза его радостно сверкают.

В каждом путешествии его радовала только охота. Все остальное не существовало для моего спутника. Где бы он ни находился, – красоты природы на него нисколько не действовали. Необъятность моря для него означала только обилие воды. Вихрь и свист бури – сильный ветер. Величие австралийских прерий вызывало из его груди только вздохи сожаления:

– Как бы хорошо было здесь пройтись с плугом!

Словом, в высших чувствах мой Кирилл был совершенный профан. Однако отсюда вовсе не следует, что его душа не поддавалась никакому волнению. Нет, богатырь был способен на самое нежное чувство. Это всем стало очевидным, когда увидели его смущение в присутствии одной красивой девушки – Кэлли, горничной мисс Мэри, которая пожелала сопровождать дядю и братьев в поисках пропавшего отца. Влюбленный богатырь адресовал предмету своей страсти целую серию отборнейших стихотворений, правда, страдавших в грамотности, но все-таки благосклонно принятых. Добрая девушка вполне извиняла недостаток образования моего друга.

Если присутствие прекрасной ирландки восхищало Кирилла, то, напротив, вид первого лейтенанта каравана заставлял его сильно коситься. Прежде всего это был немец! Эта проныряливая нация, как паразиты, везде лезет с нахальством. Кирилл, носивший в своей петличке ленту военной медали, храбро заслуженной в битве при Шампиньи, ненавидел пруссаков, и было за что: кожаный картуз Кирилла едва прикрывал громадный шрам от сабельного удара, чуть не стоившего жизни моему другу. И хотя удар был нанесен одним виртембергцем, мой товарищ не входил в тонкости и сохранил ненависть ко всему, что происходило из-за Рейна.

Предмет ненависти Кирилла, герр Шаффер, представлял из себя вежливого до приторности немца лет сорока. Он уже давно состоял управителем у сэра Рида, который не мог нахвалиться его честностью. Надеясь на его опытность и честность, последний уже во второй раз поручал ему управлять караваном.

Кроме Шаффера, с нами было еще четыре немца; все прочие – англичане; французы были только я да Кирилл. Был, впрочем, еще один канадец, говоривший, подобно всем своим соплеменникам, французским языком прошлого столетия.

Вид герра Шаффера (опять возвращаюсь к нему), судя по первому впечатлению, мне очень не понравился. К личному чувству присоединилась еще расовая вражда, и в результате я не мог смотреть на него спокойно. Не зная за ним ничего худого, я тем не менее решил до нитки разобрать эту личность, черты которой мне казались как будто знакомыми.

Что касается Эдуарда и Ричарда, то редко можно встретить лица более открытые и симпатичные. Я привязался к ним с первого дня. Их сестра, мисс Мэри, была милая девушка, с золотистыми волосами, черными глазами и энергичным личиком.

Цель нашего путешествия лежала в точке пересечения ста тридцати пяти градусов долготы и двадцати градусов широты. Там, согласно странному документу, мы должны были найти племя Нга-Ко-Тко, черных стражей сокровища. Станция Трех Фонтанов отстояла от этого пункта на четыреста пятьдесят лье, или около тысячи восьмисот верст. Делать более тридцати пяти – сорока верст в день нам было немыслимо, так что при самых благоприятных обстоятельствах раньше двух месяцев нельзя было и надеяться достичь нашей цели, принимая во внимание разные задержки на пути в виде отдыхов, охот и пр.

Наша дорога сначала шла по реке Муррее, при слиянии которой с Моррумбиджем находилось жилище скваттера. Следуя роскошными берегами этой величайшей из австралийских рек, мы намеревались достигнуть Дарлинга, другого значительного притока реки Муррея, и ехать по нему верст сто до ста сорока градусов. Отсюда мы должны были некоторое время идти дорогою Буркэ, но так как она слишком длинна, то мы намеревались скоро свернуть с нее влево по направлению к озеру Бланш.

Наш путь, утомительный и долгий, независимо от звезд, определялся по вычислениям самых лучших бусселей, секстантов и хронометров. Каждый день на карте тщательно отмечался пройденный путь. Поэтому нам нечего было опасаться, что заблудимся. У озера Грегора снова предполагалось повернуть налево и ехать до самого озера Эйр, этого внутреннего австралийского моря, еще мало исследованного. Потом пойдут песчаные и каменистые пустыни, где потребуются нам все присутствие духа.

Пока же путешествие идет очень весело, вроде прогулки, хотя дороги уже давно никакой не видно. Так как станция Трех Фонтанов лежит на самой границе цивилизации, то вскоре же после отъезда мы попали в настоящую дикую Австралию, какую именно я и желал видеть.

Каждый шаг пути поражает нас удивлением. Глаз всюду видит множество странных деревьев с красным, клейким соком. Бесчисленные стада овец и быков пасутся по бесконечной прерии, спокойно оглядывая нас любопытным взглядом. Дикие лошади целыми табунами несутся по степи, приветствуя веселым ржанием наших лошадей. Раздутые ноздри, развевающиеся хвосты и горящие огнем глаза благородных животных заставляют невольно любоваться ими. Порою изъеденные червями стволы упавших деревьев преграждают нам путь. Эти гиганты, которых пощадил топор скваттера, пали под ударами бурь и времени.

Но до сих пор я не встречаю дичи, и мною овладевает наконец охотничье нетерпение. Моя свора давно без дела. А мне страстно хотелось бы поохотиться на кенгуру. Кирилл, любясь своею возлюбленною, полон веселости и ведет с Мирадором, моею лучшей ищейкой, постоянные разговоры, которые умное животное как будто и понимает.

– Терпение, Мирадор! Если я не обманываюсь, туземец – слуга майора должен встретить кое-что. Эта старая двуногая ищейка владеет удивительным чутьем. Разнюхивая направо и налево, копаясь в огромных зарослях, он, может быть, и нашел что-нибудь.

– Эй, Том?

– Ну?

– Что нового?

– Кенгуру!.. – отвечал старый дикарь.

– Вот как! Где же?

– Там! Только живо все садись на господина лошадь! Гоп!

– Господа, живо на господ лошадей! Гоп! – повторил я со взрывом смеха. – Вперед! Если только позволит нам командир, мистер Рид!

– Сделайте одолжение, господа, – вежливо отвечал старый джентльмен.

– Да где же твой кенгуру?

– Там! – отвечал дикарь, показывая мне на одну странную фигуру, мелькавшую вдали между деревьями.

– Майор! Кроули! Робертс! Кирилл! Вперед! Животное наше!

С этими словами я распускаю свою свору, раздаю товарищам по рогу, и мы начинаем во все легкие приветствовать кенгуру. Почувствовав себя свободными, наши собаки огласили прерию радостным лаем и помчались во весь дух.

Вид у кенгуру действительно необыкновенный: саженное туловище с длинными задними и очень короткими передними ногами, маленькая голова и толстый, мускулистый хвост.

Благодаря такому строению тела животное делает прыжки в четыре-пять сажень. Черт возьми! Это ужасный бег! Наши собаки и лошади едва успевают за ним. Прыгая, подобно громадной лягушке, кенгуру время от времени останавливается, садится на свой длинный хвост и окидывает нас смущенным взглядом. Через несколько секунд он снова поднимается и снова несется, к большому изумлению собак, лающих во все горло. Ей-Богу, охота интересная! Я от души забываю, что перед нами интересный экземпляр из своеобразного вида *tasioris fuliginosus*! К черту классификацию и естественную историю! Я теперь охотник! Вперед, друзья!

– Вперед! – повторяют мои товарищи, и мы бешено несемся по леску, где исчез зверь.

Мирадор, соединяющий с обязанностями ищейки и звание первой собаки своры, несется впереди всех, испуская оглушительный лай. Другие собаки вторят ему в унисон. Святой Губерт! Что за невообразимая музыка! Собачий лай, крики, вой рогов, топот лошадей! Следуя за зверем, время от времени показывающимся сквозь кустарники, мы въехали в настоящий девственный австралийский лес. Боже мой! Какое великолепие встретило нас! Как мы ни были знакомы с чудесами австралийской флоры, но увиденное просто привело нас в ошеломление от изумления.

Соберите все, что есть пышного и красивого во всем мире, вообразите действительными чудеса «тысячи и одной ночи», но и тогда вы не получите всей несравненной красоты растительных уборов. Убранство австралийских цветов не имеет себе равного.

В немом очаровании мы забыли и об охоте. Даже такие страстные любители спорта, как мои компаньоны, опьянели от восторженного чувства. Между тем наши собаки, равнодушные к красоте природы, давно умчались вперед. Наконец и мы отрываемся от прелестных картин и галопом следуем за ними. Наши лошади по самую грудь увязают в ароматной чаще магнолий, мимоз, пеларгоний (растений, похожих на георгины в цвету), фикусов, формиумов и тысячи других цветов, которых формы не описаны еще и названия не определены. Мимо нас мелькают группы рододендронов, фиолетовых амарантов и белые стволы камедных деревьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.